

Т. Г. Струкова

Новый герой французского романа XXI века (М. Паж «Как я стал идиотом») *

В статье анализируется появление нового типа героя-трикстера во французской литературе первого десятилетия XXI века, фиксация М. Пажеминых, чем прежде, стратегий и тактик приспособления человека к стремительно изменяющейся технологической и информационной среде. Повседневная жизнь современного горожанина формируется на пересечении сектора, которым он управляет, и сектора, который ему не подвластен. Именно на этих стыках происходит вечно изменяемое столкновение между естественными (физиологическими) и социальными ритмами. Уже во второй половине XX века повседневная жизнь горожанина превратилась в зону чистого потребления, порождая скуку, ухудшая качество жизни, препятствуя реальному самовыражению. Герой романа «Как я стал идиотом» намеренно надевает маску шута и использует гибкую тактику ускользания, сопротивляясь жесткой рациональности буржуазного общества. Установка эмпирического автора нацелена на осмеяние безграничного потребления, ироническое осмысление основных положений постиндустриального общества. В романе критически переосмысливаются практически все европейские метаповествования (религия, история, образование, медицина, социальные структуры, финансы, роль Франции во Второй мировой войне и т. д.). Ирония автора нацелена на высвечивание повседневных реалий скуки, насмешку над социальными обещаниями свободного времени и досуга, которые вместо духовного развития ведут человека в тупик безграничного потребления. Герой романа, предприняв попытку приспособиться к жестким законам консюмеризма, прилагает все усилия к изменению собственной повседневной жизни. Ускользание героя в невидимую зону, которая не контролируется «дивным новым миром», позволяет ему сохранять собственную индивидуальность и судьбу.

герой-трикстер; консюмеризм; метаповествование; стратегия сильных; тактика слабых; тактика ускользания; травестирирование

Введение

Постиндустриальное общество, публично провозглашая незыблемую ценность отдельной личности, предполагает жесткую стандартизацию жизни, оставляя в качестве предохранительных клапанов некие ниши, в которых могут реализовываться отдельные маргиналы или маргинальные субкультуры, не желающие подчиняться стандартам. Охранительное качество повседневности становится своеобразным якорем стабильности в неустойчивую эпоху постмодерна с ее эпистемологической неуверенностью, крахом знания, множеством истин, неверием в метаповествования, неоднозначностью и недостоверностью рассказываемых историй и бурным расцветом массовой культуры [Lefebvre, 1971]. Как заметил М. Мозес, «литература, обусловленная реальностью, помогает нам увидеть, что формы удовлетворения человека многообразны и зачастую несовместимы» [Mozes, 1996, p. 202].

Современная литература, мы имеем в виду конец XX — начало XXI века, как, впрочем, и литература начала прошлого столетия, сталкивается со следующей проблемой: в чем собственно заключается суть человека нынешнего времени, в чем его отличия от личности XIX или первой половины XX века, а может быть, таковых не имеется вовсе. Вирджиния Вулф, размышляя по этому поводу, датировала момент появления нового человеческого характера и, следовательно, задач литературы 1910-м годом. Позже Ролан Барт усмотрел признаки качественных характерологических изменений даже не в начале XX века, а значительно раньше, в 1850 году.

* Струкова Т. Г. Новый герой французского романа XXI века (М. Паж «Как я стал идиотом») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 107–115. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.012>

Основная часть

В западной литературе последнего десятилетия XX и начала XXI века обыденность предстает феноменом, к которому писатели очень внимательно присматриваются. Современный человек обитает в стремительно изменяющейся технологической и информационной среде, а следовательно, столь же быстро ему необходимо подстроиться к окружающему миру и адаптировать возникающие реалии под собственные интересы и жизненные ценности. Для понимания того, что происходит с человеком в нынешнем веке, новой художественной реальности, необходим новый герой [Струкова, 2003].

В XXI столетии новая социально-технологическая ситуация меняет коллективную повседневность, что влечет за собой создание поистине уникальных условий для формирования и функционирования не фиксированной ранее индивидуальной обыденности [Certeau, 1990]. Правила взаимодействия индивидуального и коллективного изменяются, что позволяет личности избежать давления властных стратегий.

Динамическое сопротивление «слабых», которые используют тактику ускользания, со всей очевидностью проявляет себя в дебютном романе М. Паж «Как я стал идиотом». Роман был опубликован издательством «Дилетант» в 2001 году, правда, до этого его отвергли семь издательских домов. Писателя после оглушительного успеха романа сразу же нарекли оракулом поколения двухтысячных. Истоки его всепроникающей иронии многие читатели увидели в произведениях Вольтера, но сам М. Паж отказывался от следования традиции. Он заявил, что для него жанр романа — это не более чем общепринятый «литературный код», дающий возможность передать в целостных пластических образах субъективное понимание времени, и у него не было никакого желания создавать сатиру на современный мир.

Французский писатель рассматривает реальный мир как бесконечный континуум фактов, происшествий, ситуаций, эмоций. А вот являются ли эти события эпохальными или ничтожными не столь существенно: то, что вчера было незначительным, завтра станет решающим. Живя в своем времени, являясь его свидетелем и участником, писатель выбирает героем своего романа такого же участника и свидетеля эпохи, существующего в той же повседневности, что и он. В обыденной жизни обычного человека, а его героя Антуана по большому счету отличает от других людей только нескончаемая рефлексия по любому поводу, М. Паж увидел макрокосм чувств, идей и опыта.

В романе «Как я стал идиотом» писатель демонстрирует, как давление односторонне понимаемой рациональности наталкивается на скрытое сопротивление. Человек, не желающий подчиняться диктату, использует тактику ускользания и надевает маску шута, которая скрывает острый и саркастический взгляд. М. Паж великолепно передает постперсональное обезличивание человека в мегаполисе первого десятилетия XXI века. В романе травестируются практически все цивилизационные метаповествования западного мира (религия, история, образование, медицина, социальные институты, финансы, роль Франции во Второй мировой войне и т. д.).

Роман «Как я стал идиотом» — это вариация на тему «горе от ума». Целевая установка эмпирического автора такова, что осмеянию подвергается не только неистово пропагандируемый консюмеризм, но иронически осмысливаются и сами понятия «ум», «умный», «интеллектуал». Современный мир требует, по мнению героя, «обтекаемого ума», способного не впадать в рефлекссию, не «заморачиваться» нравственными вопросами, а превратиться в успешного потребителя.

В своей декларации Антуан с горечью констатирует: «Надо мной тяготеет проклятье ума: я беден, холост, морально подавлен. Долгие месяцы я размышлял над своим дефектом, который я бы назвал дефектом многотумия, и установил бесспорную связь между моими несчастьями и недержанием мысли» [Паж, 2005, с. 26]. И далее Антуан насмешливо отзывается о «высоколобых мыслителях»: «Я много общался... с интеллектуалами, глупыми как пробки, и с обычными людьми, весьма умными, хотя у них нет об этом справки с печатью» [Там же, с. 28].

Интересно, что в романе есть разные градации ума, в частности собственный ум Антуан оценивает как «болезнь» [Паж, с. 28]. О своем приятеле Рафи он говорит, что тот обладал «обтекаемым умом» [Там же, с. 44], что позволяет Рафи не реагировать серьезно даже на трагические события, а спокойно заниматься финансовыми спекуляциями. Антуан иногда даже завидовал своим соседям, профессору по имени Ален и журналистке Изабель, обладавшими «стойким иммунитетом против вируса мысли» [Там же, с. 37].

Использование М. Пажем брехтовского принципа отчуждения, а также несколько отстраненной, холодноватой, безоценочной манеры повествования приводит к ошеломляющему эффекту, который в иной парадигме изображения не столь очевиден: консюмеризм и интеллект абсолютно не совместимы. В романе читаем: «Он давно за ними наблюдал и в глубине души восхищался ими, насколько гармонично они вписывались в современную жизнь, наделенные от рождения ценнейшим даром разностороннего кретинизма, ничем не омраченного, счастливого, невинного и идеального в своей законченности, глупостью, приятной во всех отношениях для них и для окружающих, ни в малейшей степени не злонамеренной и ни для кого не опасной» [Паж, с. 37].

Антуан не желал участвовать в эксплуатации детского труда в странах третьего мира, а потому не покупал кроссовки «Найк». Подозревая глобалистов в стремлении уменьшить население планеты, он не питался в «Макдональдсе». Отказываясь следовать моде на высокотехнологичные гаджеты, Антуан довольствовался стареньким проигрывателем и виниловыми пластинками. И хотя Антуан был убежденным атеистом, все же «он сильно смахивал на святого эпохи общества потребления» [Паж, с. 28]. Герою никак не удавалось жить в согласии с историческим временем и с основной установкой общества — потребляй. Он создал для себя особый мирок, внутри которого царил гармония: у него была безграничная любовь родителей, преданные друзья, работа, правда мало оплачиваемая, но отсутствие единения, согласия с внешним миром ввергало его в уныние и даже депрессию.

Жизнь Антуана в Париже до его эпохального решения расстаться с умом была более или менее налажена. У него не было постоянной работы из-за отсутствия диплома о законченном высшем образовании. Он читал лекции студентам в Сорбонне вместо друга, озвучивал мультфильмы или подрабатывал, как он сам говорит, «по-черному». Его друзья принимали его таким, каков он есть. Им было все равно, что все они не знамениты, их фото не появляются в СМИ, да и видео о себе они не стремятся немедленно обнародовать.

В романе каждый персонаж существует в двух мирах. Первый — это Париж рубежа XX–XXI веков, и в этом культурном тигле происходит оповседневивание их жизни. А второй мир индивидуален: Антуан и его друзья существуют в пограничной зоне, где своя и чужая обыденности постоянно соприкасаются и играют друг в друге, не требуя при этом ни согласия, ни единства [Lefebvre, 1971]. Друзья Антуана столь же не похожи на других, как и он. Так, родители Асли жили в ужасающей бедности, им нечем было кормить малыша и они записали сына на тестирование новых товаров “Nestle”, получив от фирмы талоны на его питание. Эксперимент для многих детей закончился смертью, Асли выжил, но от передозировки фосфора (на заводе при составлении детской смеси миллиграммы перепутали с килограммами) светился в темноте и разговаривал гексаметром. Шарлотта хотела иметь детей, но не желала это делать естественным способом. Чем занимался Ганджа, никто из друзей не знал, но деньги у него водились, и он великодушно помогал Антуану.

Несколько раз в неделю друзья встречались в исландском ресторанчике. Там собирались живущие в Париже исландцы, там говорили по-исландски, там было исключительно исландское меню. Пространство исландского ресторанчика порождало у Антуана и его друзей чудесное ощущение безопасности и отделенности от других, а также подчеркивало их неразрывную общность. «Среди громких разговоров на исландском языке и звуков исландской народной музыки столик Антуана и его друзей был изолированным островком, отрезанным от окружающего мира» [Паж, с. 24].

В ресторанчике Антуан с друзьями развлекались, играя в придумывание стран и в ассоциации, или составляли антропологическую классификацию человечества. Такой явно не средний уровень общения, творческая коммуникация нацеливали на развитие воображения и интеллекта. Исландский ресторанчик был для них не просто местом встречи, а чем-то большим: в нем дружески соседствуют люди разных национальностей, в нем пестро перемешаны работа, праздник и увеселение.

Исландский ресторанчик в Париже — явление инородное, он создает эффект чуждости и анонимности, что разрывает границы прежнего опыта. В этом ресторане происходит сплав разных повседневностей, а его роль заключается в том, что он помогает друзьям избавиться от тотальной рациональности и функциональности современного мира. Другая культура оттеняет братство Антуана и его друзей, а экзотическая еда подчеркивает их ускользание, нежелание сливаться с

толпой и следовать усредняющей идеологии консюмеризма. Креативная тактика «слабых» позволяет Антуану и его друзьям, каждый из которых отнюдь не ангел, избегать доминирующих стратегий «сильных». Именно тактика ускользания создает внутри коллективной обыденности, в которой они объективно существуют, особые, берегающие островки индивидуальных жизней.

Антуан, стремясь расстаться с умом, решил превратиться в алкоголика. Герой говорит, что «стать алкоголиком означало подняться по социальной лестнице» [Паж, с. 8]. Повествователь ехидно замечает по поводу желания Антуана спиться: «Натура взяла свое. Ноги, движимые живейшей любознательностью, сами понесли Антуана в муниципальную библиотеку... он хотел стать алкоголиком не абы как, а культурно, подойти к делу грамотно и, прежде всего, досконально узнать свойства яда, который его спасет» [Там же]. Даже в бар герой принес энциклопедии, чтобы определять названия напитков. На что завсегдатай заведения Леонар меланхолично заметил: «Будешь столько читать, никогда не сопьешься» [Паж, с. 10]. Антуан, выпив полкружки пива, впал в алкогольную кому, и его срочно отвезли в госпиталь.

Столь же плачевно закончилась его попытка покончить жизнь самоубийством. Побывав на «развивающей» лекции для любителей суицида, он внезапно почувствовал, что совершенно не хочет расставаться с жизнью. На пути превращения в идиота осталось последнее средство — рецепт от доктора-педиатра Эдгара Вапорского на маленькие розовые таблетки бодрозака, которые гарантировали Антуану состояние зомби. Под их влиянием, правда, по словам доктора, временным, он не будет думать. Таблетки обеспечат Антуану «очень приятную зависимость» [Паж, с. 34], а посему Эдгар Вапорский рекомендовал молодому человеку соблюдать дозировку и особо не увлекаться препаратом.

По просьбе Антуана доктор Вапорский озвучивает то, как его воспринимают люди: «Ты блестящий мальчик, умный, образованный, любопытный в обоих значениях этого слова, симпатичный, остроумный, немного разбросанный и нерешительный, беспокойный» [Паж, с. 2]. Совершенно очевидно, что читателю явлен неординарный молодой человек, который не соответствует образу молодого парижанина, озабоченного исключительно собственной карьерой.

Герой не желает быть таким, как все, и это у него наследственное. Повествователь сообщает о его прародительнице «великой Шан», которая восемь веков назад отправилась из Бирмы открывать новые земли. Ее корабли «занесли» в Средиземное море, на юг Франции. В романе читаем: «Они дарили туземцам стеклянные побрякушки, наряды из второсортного шелка и заключали торговые сделки с вождями белых племен. Шан вернулась на родину с триумфом, была щедро награждена за грандиозное географическое открытие и окончила дни в почете и богатстве» [Паж, с. 6]. М. Паж иронически развенчивает один из главных метарассказов западного мира. Замена имени Колумб на имя Шан — это иронический парафраз открытия Америки. Смысл ухода от общепринятой трактовки истории заключается в вопросе: а кто, собственно, кого открыл, и какие блага это принесло автохтонному населению американского континента?

Семейная легенда, запавшая в детское сознание, сформировала желание Антуана стать Васко де Гамой (ни больше, ни меньше), что, естественно, не совпадало с официальными списками профессий министерства образования. Но это не остановило героя, в Сорбонне он слушал только те лекции, на которых ему было интересно, остальные он благополучно пропускал. В «итоге он получил кучу несочетаемых дипломов, благодаря беспорядочному набору обязательных дисциплин и спецкурсов» [Паж, с. 6]. Антуан обладал «свидетельством о степени лицензиата по биологии, магистра в области арамейского языка, истории кино в узкой специализации по Сэму Пекиппа и Фрэнку Капре» [Там же, с. 43]. Он, как изумленно заметил чиновник из бюро по трудоустройству, «выучился на безработного» [Там же, с. 44]. А главное, ему присуща постоянная рефлексия по «поводу всех мировых проблем разом, всех существующих нравственных принципов» [Там же, с. 39].

Антуану, чтобы стать богатым и успешным, нелегко дается решение следовать чужим для себя правилам игры. Для героя это означает кардинальную замену собственной идентичности, предательство идеалов и ценностей. Бодрозак туманит мозг, но общение с Алленом и Изабель помогают ему начать «новую жизнь», что выразилось в выбрасывании старой мебели, пластинок и других раритетов, а потом в наклеивании на стены модных плакатов из супермаркета и игре в «Монополию». И, наконец, Антуан отправляется в «Макдональдс» и заказывает себе гамбургер и кока-колу, что для него до того, как он начал принимать бодрозак, было немыслимой крамолой!

Приятель Рафи с энтузиазмом предоставляет ему работу в собственной трейдерской компании, потому что когда-то уверовал в великие способности Антуана и до сих пор в этом не разуверился. Антуан попал в новую для него ситуацию, о которой он слышал, но никогда в ней не существовал. Огромный зал с низкими перегородками между рабочими местами — модное пространство (open space) — стол с двумя компьютерами его не пугают, а вот чашка кофе, которая является своеобразным символом труда офисного планктона, ему не нравится. И то только потому, что даже одна чашка кофе в день лишает его сна.

Автор наделяет обычную чашку кофе особым смыслом: однажды Антуан нечаянно опрокинул ее на клавиатуру компьютера, что вызвало непредвиденную цепную реакцию на бирже и привело к невероятному выигрышу. Вторично Антуан намеренно опрокинул чашку кофе, потому что полученные им в качестве бонуса миллионы быстро подошли к концу. Обычная чашка кофе как символ — это травестирование успеха. Если ранее для достижения успеха надо было работать, его добиваться, то чашка кофе полностью исключает наличие особых финансовых способностей и чутья, необходимость скрупулезного анализа рынков. Она означает одно — огромное состояние возникает, как мыльный пузырь из пустяка, из случайного компьютерного сбоя.

Отринув прежнее состояние нищего интеллектуала, Антуан полностью меняет собственную жизнь. Он переезжает в дорогие апартаменты на самую фешенебельную улицу Парижа, покупает множество ненужной техники, которой он не пользуется, начинает стричься в парикмахерской, покупает одежду фирм “Nike” и “Levi’s”, а в «Галерее Лафайет» — «этом буржуазном отстойнике» — приобретает льняные брюки, пиджак и рубашку. Для поддержания статуса Антуан купил красный «Порше», хотя водить машину не умеет, да и не собирается учиться, но теперь шикарный автомобиль стоит у подъезда как свидетельство его успешности.

Затем, насмотревшись модных журналов, Антуан решил стать «идеальным мужчиной», для чего записался в фитнес-клуб, чтобы превратить свои «дряблые тела в сталь» [Паж, с. 43]. Накаченное тело изменило психологическое состояние героя — теперь ничто не могло задеть его эмоции или ввергнуть его ум в рефлексии. Повествователь резюмирует: «Антуан больше не был ни на кого не похожим, он узнавал себя в других, как в ходячем зеркале, и это облегчало ему жизнь» [Там же]. Единственное, с чем Антуан был категорически не согласен, — это легкомысленное отношение приятеля Рафи к любви и семье. Антуан был убежден, что жениться можно только по любви, а измена жене исключалась из его личного свода правил.

Друзья Антуана, напуганные произошедшими с ним переменами, решили провести «изгнание нечистой силы» [Паж, с. 61], но опоздали. Антуан прекратил пить бодрозак и готовился эффектно уйти из трейдерской компании Рафи. «Он запустил в компьютерную сеть компании вирус, который оттуда попадет в мировую паутину и в понедельник при начале торгов вызовет упоительнейший хаос в мировых финансах» [Там же].

Однажды утром Антуана арестовали, а Рафи удрал в Швейцарию. Французское министерство финансов посчитало, что бегство бедолаги из Парижа — суровое наказание, и не стало требовать от швейцарского правосудия его выдачи, хотя Рафи беззащитно и целеустремленно занимался финансовыми махинациями. Антуан отделался шестью месяцами тюрьмы условно, что он посчитал «приемлемой ценой за избавление от Рафи и удовольствие нанести мировым биржам ущерб в несколько миллиардов» [Паж, с. 62].

На собственном опыте Антуан убедился, что мир больших денег, головокружительного успеха не стоит его способности чувствовать. Чрезмерное потребление, превышающее физиологическую и психологическую норму, вызывает у него отравление и идиосинкразию. А утрата возможности видаться с друзьями для него есть более серьезная вещь, чем поход в «модный кабак» с вновь обретенными нужными знакомыми. Для Антуана попытка стать частью стандартизированной обыденности потребительского общества окончилась возвращением к самому себе как эмоционально, так и пространственно. Он переезжает в дом, в котором прежде жил. Хозяин дома страдает от болезни Альцгеймера, а потому не помнит, что Антуан не платит ему за квартиру. Он возвращается к своим друзьям, которые ради его спасения готовы на все. Он обрел новую знакомую Клеманс, с которой ему интересно. Антуан решил больше не играть по правилам, которые навязывает общество потребления. Оказалось, что потребительство его уничтожает. Финал романа открыт, читатель не знает, что будет с героем в будущем. В конце

повествователь вскользь сообщает, что Антуан и Клеманс решили пообедать вместе с Асом, Родольфо, Ганджой в исландском ресторанчике «Гудмундсдоттире», а так как до обеда у них было три часа, то они «отправились тревожить Париж» [Паж, с. 62].

Заключение

Ситуация перемены ролей и социальных страт помогла герою понять, что результатом может быть полная деформация его личности. Антуан не готов жертвовать собственной идентичностью для того, чтобы следовать единому стандарту успешности, многозадачности и мобильности. В романе «Как я стал идиотом» М. Паж виртуозно демонстрирует, как давление односторонне понимаемой рациональности наталкивается на скрытое сопротивление героя. Творческий импульс индивидуума помогает ему противодействовать доминирующей стратегии «сильных», уходя в невидимую, неконтролируемую потребительским обществом зону, в которой кажимости теряют силу, а герой возвращает себе собственное я.

Писатели первой половины XXI столетия отразили не только появление необычных технологических и общественных реалий, но они заметили, что под влиянием новых систем происходят характерологические изменения личности. Становящаяся обыденность XXI века, отличная от века XX, воздействует на суверенность личности, его творческое и духовное развитие. Коллективная и индивидуальная повседневность начала XXI века формирует нового, в сопоставлении с XX столетием, человека. Снова, как и в начале XX века, задачи литературы изменяются, что требует от писателей осознания смыслопорождения места и роли человека в резко поменявшейся реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Паж М. Как я стал идиотом // Иностранная литература. — 2005. — № 7. — С. 3–65.
2. Струкова Т. Г. Феномен повседневности в литературе XX столетия // Феномен повседневности в литературе XX века : коллект. моногр. / науч. ред. Т. С. Струкова. — Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. — С. 4–64.
3. Certeau M. de. Arts de faire. — Paris : Gallimard, 1990. — Vol. 1. — URL : <http://www.nlobooks.ru>. (дата обращения: 28.03.2020).
4. Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World. — N. Y. ; San Francisco ; L. : Harper & Row, 1971. — 206 p.
5. Mozes M. V. The Novel and the Globalization of Culture. — N. Y. : Oxford, 1996. — 270 p.

Сведения об авторе

Струкова Татьяна Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: зарубежная литература XIX–XXI веков, теория литературы, компаративистика, проблемы национальной идентичности, реализация феномена повседневности в литературе, массовая литература.

Контактная информация: электронный адрес: tstrukova@vmail.ru

T. G. Strukova

A New Character of French Novels of the 21st Century

(M. Page “How I Became Stupid”) *

* Strukova T. G. A New Character of French Novels of the 21st Century (M. Page “How I Became Stupid”). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 107–115. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.012>

The article analyzes the appearance of a new type of trickster characters in French literature of the first decade of the 21st century. It analyzes the way M. Page depicts strategies and means used by a person to adapt to the rapidly changing technological and information environment. Everyday life of a modern city dweller teeters between spheres subservient to the city dweller and spheres they fail to control. This juxtaposition results in a conflict between natural (physiological) and social rhythms. In the second half of the 20th century, everyday life of a city dweller focused on consumption, generating boredom and deteriorating the quality of life, depriving one of real self-expression. The character of the novel “How I Became Stupid” intentionally wears the disguise of a jester and, repelled by the cruel rationality of bourgeois society, uses a slithering-away tactic. The author mocks at endless consumption and treats the major principles of post-industrial society with irony. The novel critically reassesses practically all European metanarrations (religion, history, education medicine, social structures, finances, the role of France in World War II and so on). The author’s irony is aimed at highlighting everyday boredom, at mocking at social promise of leisure and spare time which instead of spiritual development lead people to endless consumption. After an attempt to adjust to the rigidity of consumerism, the character of the novel does his best to change his everyday life. The character eludes the brave new world and escapes its manipulative grasp, which enables him to preserve his individuality and shape his own destiny.

trickster character; consumerism; metanarration; strategy of the strong; tactic of the weak; tactic of elusion; travesty

REFERENCES

1. Page M. How I Became Stupid. *Inostrannaja literatura* [Foreign Literature]. 2005, no. 7, pp. 3–65. (In Russian).
2. Strukova T. G. The Phenomenon of Everyday Life in Literature of the 20th Century. *Fenomen povsednevnosti v literature XX veka* [The Phenomenon of Everyday Life in Literature of the 20th Century]. Strukova T. G. (ed.). Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2003, pp. 4–64. (In Russian).
3. Certeau M. de. *Arts de faire*. Paris, Gallimard Publ., 1990, vol. 1. Available at : <http://www.nlobooks.ru>. (accessed: 28.03.2020).
4. Lefebvre H. *Everyday Life in the Modern World*. N. Y., San Francisco, L., Harper & Row Publ., 1971, 206 p.
5. Mozes M. V. *The Novel and the Globalization of Culture*. N. Y. Oxford Publ., 1996, 270 p.

Information about the author

Strukova Tatyana Georgiyevna — Doctor of Philology, Professor in the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature at Voronezh State Pedagogical University.

Research interests: foreign literature of the 19th-21st centuries, literary theory, comparative studies, national identity, the phenomenon of everyday life in literature, mass literature.

Contact information: e-mail: tstrukova@vmail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2020

Received 10.03.2020